

ствуешь вмѣстѣ съ государствомъ и вмѣстѣ съ государствомъ погибнешь. У свободныхъ людей нѣтъ «права», а есть только возможность...

— То-есть вы изнасилуете женщину, потому что окажетесь сильнѣе ея?

— Потому что я такъ хочу! Мое желаніе — мой законъ!

— Но вѣдь такую свободу до сихъ поръ не анархисты осуществляли, а хулиганы во время погромовъ.

— Что же? Это только показываетъ, что вы, хваленые анархисты, болѣе мѣщане и болѣе трусы, чѣмъ даже хулиганы!

Я съ интересомъ оглядѣлъ «вѣчнаго экстерна», проповѣдывавшаго столь «крайній» анархизмъ. Въ его наружности не было ничего титаническаго или страшнаго. Длинная, жидкая фигура, узкія плечи, впалая грудь, рѣдкіе волосы надъ покатымъ прыщеватымъ лбомъ, подслѣповатые глаза. Вся его фигура ясно говорила, что не переливающаяся черезъ край сила внушила этому хилому юношѣ его дикіе взгляды, а слабость его, его вѣчная пришибленность, его подавленность условіями жизни и его окончательная растерянность подъ гнетомъ тюрьмы.

Между тѣмъ, Ефимъ еще не терялъ надежды переспорить своего противника.

— Вы, значитъ, считаете, что анархистъ *долженъ* изнасиловать понравившуюся ему женщину?

— Долженъ взять ее!

— А анархистка, которой мужчина понравился?

— Тоже! И во всемъ такъ.

— Но вы представляете себѣ, во что превратится при такихъ условіяхъ человѣческое общежитіе?

— До этого мнѣ нѣтъ дѣла. Я буду свободенъ, и это для меня всего важнѣе. И не я одинъ буду свободенъ.

Свободны будутъ всѣ, кто только захочетъ и сумѣетъ быть свободнымъ!

— Но общежитіе...

— Объ общежитіи вы вмѣстѣ съ социалистами-государственниками заботьтесь. Для охраны общежитія можете полицію завести, тюрьмы настроятъ.

— Вы глупости говорите.

Этотъ безтолковый споръ продолжался часа два. Ефимъ едва успѣвалъ вставлять свои замѣчанія въ безудержныя рѣчи «полѣвѣвшаго» экстерна. И я дивился терпѣнію Ефима, который все же относился къ этому спору вполне серьезно. Впрочемъ, чувствовалось, что у него нѣтъ полной увѣренности въ правильности защищаемой позиціи. Видно было, что онъ считаетъ Самуила болѣе крайнимъ, болѣе «лѣвымъ», чѣмъ самого себя, и потому относится къ его взглядамъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, хотя и не раздѣляетъ ихъ.

Въ 7-ой камерѣ Самуиль обращалъ на себя вниманіе только странностью своихъ взглядовъ. Въ остальномъ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ политическихъ и держался, «какъ всѣ», такъ что его крайняя «лѣвость» проявлялась только въ спорахъ. Позже я встрѣтился съ нимъ въ каторжной камерѣ со смѣшаннымъ составомъ заключенныхъ. И здѣсь поведение его поразило меня. Оказалось, что за полгода, истекшіе со времени нашего перваго знакомства, Самуиль еще весьма замѣтно подался «влѣво».

Въ камерѣ, гдѣ мы вторично встрѣтились съ нимъ, сидѣла очень разнообразная публика. Настоящихъ «политическихъ», т. е. людей, осужденныхъ за партійныя дѣла и за возстанія 5-го года, было здѣсь не больше 15. Почти столько же было здѣсь солдатъ и матросовъ, приговоренныхъ за мятежи и неповиновеніе начальству. Группа уголовныхъ ивановъ-рецидивистовъ и обратни-

ковъ состояла изъ 8 человѣкъ. Человѣкъ 20 мелкихъ воришекъ, благоговѣвшихъ передъ обратниками, составляли постоянную свиту и придворный штабъ этихъ ивановъ. Вмѣстѣ съ иванами воришки безстыдно обирали сидѣвшихъ здѣсь же крестьянъ-аграрниковъ, которые, несмотря на то, что ихъ было около 15 человѣкъ, никогда не дерзали протестовать противъ этого грабежа. Всего многочисленнѣе были эксовики, которыхъ начальство считало «политическими» или «политико-уголовными».

Жизнь въ камерѣ была крайне беспокойная. Иваны вели систематическую войну противъ политическихъ. Воровская шпана слѣпо шла за ними. Поддерживало ихъ и большинство эксовиковъ. На сторонѣ политическихъ было лишь ничтожное меньшинство «политико-уголовныхъ» да почти всѣ солдаты и матросы.

Междоусобная война, происходившая въ камерѣ, выливалась нерѣдко въ самыя рѣзкія формы. Дѣло довольно часто доходило до кулаковъ, и въ любой моментъ могла начаться и поножевщина.

При такихъ-то условіяхъ Самуиль неожиданно для его товарищей оказался въ коммуны ивановъ. Онъ сблизился съ иванами настолько, что они уложили его матрасъ въ своемъ «почетномъ» углу на нарахъ, а онъ не только пилъ чай и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, но не брезгалъ даже закусывать вмѣстѣ съ ними деревенскими колбасами и пирогами, отнятыми у крестьянъ-аграрниковъ! Теперь онъ уже говорилъ на жаргонѣ ивановъ и вмѣстѣ съ ними издѣвался надъ политикой. Но и заключительная часть продѣланной имъ эволюціи казалась ему «полнѣйшимъ», и онъ по-старому считалъ себя истиннымъ революционеромъ, а остальныхъ политическихъ — трусишками, жалкими лѣнтяями, прихвостнями буржуазіи.

Какъ-то при мнѣ онъ завелъ съ однимъ матросомъ-повстанцемъ разговоръ объ уголовныхъ.

— Вы этихъ людей презираете, — говорилъ онъ, — а я ихъ, какъ лучшихъ товарищей, уважаю.

— Было бѣ за что уважать! — возражалъ ему матросъ.

— Я ихъ уважаю за то, что они прямо идутъ противъ существующаго строя, ломаютъ его законы, а своимъ закономъ свою волю ставятъ...

— Красно вы ихъ расписываете, — иронизировалъ матросъ. — Вотъ вы съ Лапшинымъ въ коммуны живете. Онъ въ первый разъ осужденъ былъ за изнасилованье и убійство племянницы. Вы его за это, видно, и уважаете?

— За чѣмъ вы именно Лапшина берете? — возразилъ Самуиль. — Вы, какъ узкій мѣщанинъ, разсуждаете и, какъ мѣщанинъ, человѣка судите. Какое мнѣ дѣло до его любовныхъ и семейныхъ дѣлъ? Развѣ я судья надъ нимъ? А уважаю я его, какъ человѣка, который къ своей цѣли твердо и смѣло идетъ. Захотѣлъ — сдѣлалъ! И никакая сила¹⁾! А вы думаете, наши сознательные съ ихъ аскетическими принципами хоть когда-нибудь прямо и искренне идутъ къ своей цѣли? Выдумываютъ «принципы», чтобы ими прикрыть свою трусость — и только. Имъ не хочется, и гайка не держитъ, — боятся всего... Что же, ихъ мнѣ уважать прикажете?

— А Верболоза вы за что уважаете? Тоже за смѣлость?

— Верболозъ что? Для васъ Верболозъ — «отравитель», «собачникъ». Какъ же! Двоихъ пассажировъ 1-го класса отравилъ... А, можетъ быть, ихъ, этихъ «кровопийцъ, эксплуататоровъ» давно задавить слѣдовало! Важность какая, что двумя сволочами на свѣтѣ меньше осталось! Это вы, мѣщане, дрожите, трясетесь всю свою жизнь, какъ бы закона не нарушить. Вы — охранители. А эти

¹⁾ «Никакая сила!» — выраженіе тюремнаго жаргона.

люди — действительные враги существующего строя. У васъ — сплошь компромиссы да увертки. А эти люди прямо законъ ломають, свою жизнь съ бою берутъ, какъ умѣютъ: свои цѣпи рвутъ, какъ могутъ, своимъ врагамъ мстятъ, насколько силъ хватаетъ. Нечего вамъ на нихъ сверху внизъ смотрѣть. Если кто кого можетъ презирать, то не вы ихъ, а они васъ, — за вашу трусость, за иезуитство.

Самуилъ громко высказывалъ эти свои взгляды въ присутствіи уголовныхъ. И нечего говорить, что подобныя рѣчи всегда вызывали восторгъ и умиленіе среди ивановъ и среди мелкой воровской шпаны. Конечно, многихъ «тонкостей» этого карикатурнаго нищенства уголовные не понимали. Но они чувствовали въ Самуилѣ своего идеолога и пѣвца и всячески ухаживали за нимъ. На нашихъ глазахъ окончательно «полѣвѣвшій» анархистъ превратился въ заправскаго ивана, въ маленькаго царька блатнаго міра. Шпана убирала за него матрасть, исполняла за него камерныя работы въ дни его дежурства, стирала ему портки, рубаху и портянки, приносили ему по его приказу табакъ, спички, кипятокъ и т. д., и т. д.

Вскорѣ Самуилъ въ спорахъ съ политическими сталъ отстаивать право уголовныхъ ивановъ заниматься педерастіей, — традиціонное право ивановъ, осуществляемое ими во всѣхъ тюрьмахъ.

— Это — личное дѣло каждого, — говорилъ Самуилъ негодующимъ политическимъ. — Каждый удовлетворяетъ свои потребности такъ, какъ умѣетъ и какъ желаетъ.

Это казалось ему непререкаемо правильнымъ выводомъ изъ послѣдовательно понимаемаго анархизма. И онъ никакъ не могъ понять, какъ это анархисты не соглашались съ нимъ въ этомъ вопросѣ. Какъ-то онъ выразилъ свое недоумѣніе по этому поводу одному товарищу-анархисту. Тотъ отвѣтилъ ему довольно рѣзко.

— Удивляюсь, что вы, считающій себя политическимъ, отстаиваете такую гнусность, къ которой даже порядочные уголовные относятся съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Самуилъ обидѣлся.

— Откуда вы взяли, что я считаю себя «политическимъ»?

— Не считаете, такъ тѣмъ лучше.

— Но неужто вы, анархистъ, себя считаете «политикомъ»?

— Считаю.

— Довольно странно слышать это отъ анархиста...

— То-есть?...

— А очень просто. Вѣдь анархистъ идетъ противъ всякой власти, противъ всякаго государства, противъ всякаго закона? И новой власти, новаго государства, новыхъ законовъ анархисты создавать не намѣрены? Такъ? Значитъ, на кой чортъ намъ политическіе перевороты, политическія революціи, политическая борьба? Это — дѣло буржуазіи и ея прихвостней отъ кадетовъ до с.-д. А намъ, анархистамъ, какое дѣло до политики? Какъ можетъ анархистъ считать себя политическимъ? Если хотите быть политическими, лучше прямо признайтесь, что вы такіе анархисты, какъ изъ грязи — пуля!

Близость съ иванами, иванскія замашки по отношенію къ шпанѣ, разнузданный блатной жаргонъ — все это отталкивало отъ Самуила политическихъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые, подобно ему, неудержимо «лѣвѣли» въ тюрьмѣ, проникаясь все больше и больше духомъ «хулиганскаго индивидуализма». Но все же къ словамъ его прислушивались въ камерѣ, и ясно было, что этотъ чело-вѣкъ пользуется большимъ моральнымъ вліяніемъ на многихъ товарищей, еще не порвавшихъ окончательно со своимъ прошлымъ, еще не сжегшихъ корабли.

На меня лично Самуилъ производилъ въ это время

двойственное впечатлѣніе. Иногда онъ казался помѣшаннымъ, такъ какъ слишкомъ уже странны были иныя его выходки, его постоянная возбужденность, его торопливая, прыгающая рѣчь.

А иногда, напротивъ, онъ казался мнѣ естественнымъ продуктомъ тюремнаго «полѣвѣнія», тѣмъ типомъ, къ которому неизбѣжно должны придти въ тюрьмѣ многіе слабые люди, развитіе которыхъ направилось въ сторону крайняго индивидуализма.

Въ каторжной камерѣ, гдѣ мы въ послѣдній разъ встрѣчались съ Самуиломъ, я просидѣлъ недолго. Вскорѣ меня перевели въ башню, и я больше не видѣлъ «вѣчнаго экстерна». Можетъ быть, онъ остался на той ступени, на которой стоялъ во время моихъ послѣднихъ встрѣчъ съ нимъ. Можетъ быть, эволюционировалъ дальше: «хулиганскій индивидуализмъ» можетъ вѣдъ развиваться и углубляться до безконечности...

Я описалъ рядъ прошедшихъ передъ моими глазами примѣровъ «тюремнаго полѣвѣнія». И почти жалѣю о томъ, что написалъ это. Боюсь, что написанные мною портреты могутъ показаться враждебными карикатурами. Но я далекъ отъ мысли судить и осуждать кого бы то ни было. И никогда не сталъ бы я писать карикатуры на людей, до которыхъ мое слово не дойдетъ, такъ какъ между мною и ими остались каменные стѣны и желѣзныя рѣшетки.

Человѣкъ, опустившійся въ тюрьмѣ, дошедшій до самаго безшабашнаго хулиганскаго индивидуализма, — такая же жертва, какъ тѣ, кого повѣсили или застрѣлили, кого изувѣчили тюремный режимъ, голодъ, холодъ, сырость. Мнѣ скажутъ: это невѣрно, ибо не всѣ опускаются въ тюрьмѣ. Но вѣдъ точно такъ же не всѣ получаютъ въ тюрьмѣ чухотку, не всѣ выходятъ оттуда калѣками. Крепкіе выдерживаютъ, слабые гибнутъ. И не-

льзя осудить человѣка за то, что онъ не богатырь, за то, что онъ средній, слабый человѣкъ!

Я и не намѣревался судить никого. Я пишу о душевномъ распадѣ, наблюдаемомъ въ тюрьмѣ, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ раньше писалъ о смертныхъ казняхъ, о приговорахъ военныхъ судовъ, о тюремныхъ истязаніяхъ, объ арестантскихъ могилахъ. Можетъ быть, не требовалось напоминать объ этомъ? Но нѣтъ! Напомнить объ этомъ было необходимо, такъ какъ читатель, равнодушно проходящій мимо оконъ тюрьмы и не знающій, что такое тюрьма, читатель, не испытывшій въ полной мѣрѣ гнета желѣзной рѣшетки, могъ бы поставить на счетъ людей то, что въ дѣйствительности является результатомъ окружающей ихъ уродливой обстановки.

IV.

„Поправѣвшіе“.

Люди, испытавшіе въ тюрьмѣ то особое «полѣвѣніе», о которомъ я говорилъ на предыдущихъ страницахъ, эволюционировали въ сторону своеобразнаго индивидуализма. И индивидуализмъ, къ которому они приходили, былъ настолько проникнутъ хулиганскимъ духомъ, что я не колебался опредѣлить конечную точку его развитія, какъ моральную смерть, полное нравственное разложене. Но все же этотъ индивидуализмъ оставался непокорнымъ, протестующимъ. Это не было примирене съ тюрьмой, не было приспособленіе къ требованіямъ желѣзной рѣшетки. Въ душѣ узника продолжало горѣть пламя протеста, приведшее его въ тюрьму. Только свой протестъ узникъ не могъ уже вылить въ прежнія формы: тюрьма подсказала ему новыя формы, — уродливыя и безплодныя...

Совершенно иную картину представляет собой «поправѣніе», которое, увы! мнѣ приходилось наблюдать въ тюрьмѣ еще чаще, чѣмъ эволюцію въ сторону крайняго индивидуализма.

«Поправѣвшій» революціонеръ отказывается отъ борьбы и склоняетъ шею передъ тѣмъ, противъ чего прежде неудачно боролся. Примиряется иногда только пассивно, заглушая въ себѣ ненависть и просто воздерживаясь отъ участія въ соціальной и политической борьбѣ. А иногда начинаетъ славословить то, что раньше проклиналъ, и предаетъ проклятыя то, за что раньше готовъ былъ умереть. Въ душѣ «поправѣвшаго» въ концѣ-концовъ изсякаетъ самая потребность протеста, потребность движенія впередъ, къ какому бы то ни было идеалу.

Въ слѣдующей главѣ я попытаюсь намѣтить главные типы «поправѣнія».

Извѣстно, что тюремное заключеніе не для всѣхъ одинаково мучительно. Карающая рука правосудія можетъ помѣстить двухъ «преступниковъ» въ тюрьму на одинъ и тотъ же срокъ. Условія, при которыхъ будутъ отбывать наказаніе эти два узника, могутъ быть совершенно тождественны. И все же въ итогѣ одинъ изъ нихъ выйдетъ изъ тюрьмы совершенно истерзаннѣмъ и разбитымъ; а надъ другимъ тюрьма будетъ безсильна или почти безсильна.

Отчасти это зависитъ отъ того, что люди сами по себѣ не одинаково сильны и выносливы. Но кромѣ этого, здѣсь дѣйствуетъ еще и другое условіе. Какъ общее правило, допускающее, разумѣется, извѣстныя исключенія, можно было бы формулировать такой законъ:

«Преступникъ» тѣмъ легче переноситъ тюрьму, чѣмъ сильнѣе его «преступная» воля; заключеніе въ тюрьмѣ для «преступника» тѣмъ мучительнѣе и тяжелѣе, чѣмъ слабѣе его «преступная» воля.

Этотъ общій законъ одинаково приложимъ и къ уголовнымъ, и къ революціонерамъ. Изъ уголовныхъ лучше всего устраиваются, и всего свободнѣе чувствуютъ себя въ тюрьмѣ иваны-рецидивисты; всего сильнѣе страдаютъ и быстрѣй всего чахнутъ случайные преступники и невинно осужденные. Изъ революціонеровъ легче всего переносятъ тюрьму тѣ, у кого больше всего силы, энергіи, непримиримости; а тяжелѣе всего дается тюрьма тѣмъ, кто попалъ въ революціонеры подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія или по капризу жандармовъ, которые желали проявить чѣмъ-нибудь свою дѣятельность, но представить по начальству настоящихъ революціонеровъ не могли. Вообще, при наказаніи «преступниковъ» лишеніемъ свободы субъективная жестокость наказанія обратно пропорціональна злой волѣ «преступника» и той опасности, которую онъ представляетъ для общества. Въ этомъ отношеніи тюрьма, какъ наказаніе, является такимъ же абсурдомъ, какъ и смертная казнь¹⁾.

На различныхъ «преступниковъ» тюрьма дѣйствуетъ неодинаково тяжело, но дѣйствіе ея всегда проявляется, прежде всего, въ насильственномъ и крайне уродливомъ суженіи того міра, въ которомъ живетъ узникъ. Двигаться онъ можетъ на столько-то шаговъ влѣво, на столько-то шаговъ вправо. Передъ глазами его вѣчно одни и тѣ же стѣны. Въ ушахъ его вѣчно одни и тѣ же звуки. Даже воздуха отпускается ему ежедневно лишь столько, сколько абсолютно необходимо для дыханія. У него отнята воля въ мелочахъ. Вставать и ложиться, ходить и стоять, ѣсть, пить, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ также и отправлять свои естественныя потребности, — все долженъ онъ дѣлать по звонку, по командѣ. Короче, тюрьма стремится превратить узника въ безвольный автоматъ.

¹⁾ См. «Смертники».

И нечего говорить, что при достаточно неуклонном примѣненіи этой системы силы самаго крѣпкаго человѣка рано или поздно начнутъ падать. Жизнь станеть казаться ему какой-то безконечной и безсмысленной ненужной канителью. Это — тотъ же результатъ, къ какому приводитъ человѣка продолжительная и тяжелая болѣзнь. Но тяжелая болѣзнь, какъ извѣстно, нерѣдко вызываетъ въ человѣкѣ такую безумную, ненасытную жажду жизни, какой никогда не испытывалъ здоровый. И такую же страстную жажду жить и пользоваться жизнью нерѣдко порождаетъ въ узникахъ тюрьма.

Жизнь и воля! Жить, только бы жить на волю! Пусть эта жизнь будетъ сѣра и тосклива, какъ осенняя ночь! Пусть вернется та самая жизнь, которую раньше мы проклинали, про которую раньше мы говорили: «Такъ жить нельзя. Лучше умереть, чѣмъ терпѣть эту муку»... Пусть вернется даже худшая жизнь на волю! Но только бы не тюрьма и не могила!

Иногда съ безумной силой просыпаются въ узникѣ мечты о воли. Все, оставшееся за тюремными стѣнами, начинаетъ казаться необыкновенно привлекательнымъ, сказочно красивымъ. И эта страстная жажда жизни нерѣдко идетъ параллельно съ упадкомъ жизненныхъ силъ и даже съ развитіемъ отвращенія къ жизни. Узникъ стоитъ на границѣ самоубійства. И вдругъ вспыхиваетъ въ немъ это мучительное желаніе: жить, только бы жить на волю! А черезъ нѣсколько часовъ снова нѣтъ и слѣда отъ этого желанія, снова жизнь кажется ненужной обузой.

Это находить какъ-то полосами.

Изъ окна камеры я, напримѣръ, часто смотрѣлъ на небо. Въ окно виденъ былъ лишь клочокъ неба, обрѣзанный снизу линіей тюремной ограды и исчерканный вдоль и поперекъ черными полосами оконной рѣшетки. И вотъ этотъ жалкій клочокъ синевы казался такимъ глубокимъ,

сіяющимъ! Я вспоминалъ голубой шатеръ, которымъ любовался когда-то въ совершенно иной обстановкѣ, на южномъ берегу Крыма и въ Италіи. Но то небо никогда не было такъ чарующе прекрасно, какъ этотъ клочокъ надъ пыльнымъ дворомъ нашей губернской тюрьмы! И то же самое чувство читалось въ глазахъ моихъ товарищей по заключенію.

Какъ-то ранней весной, во время прогулки, я нашелъ во дворѣ кустикъ зеленой травки. Тайкомъ отъ надзирателя я сорвалъ эту травку, осторожно спряталъ ее подъ бушлатомъ и принесъ съ собой въ камеру. Травка почти не помялась. Въ камерѣ мы бережно разсматривали нѣжные зеленые стебельки. И эти слабенькіе ростки, которые на волю мы безжалостно и безучастно растоптали бы ногами, здѣсь, въ тюрьмѣ, казались такими трогательно прекрасными. Каждый мечталъ про себя о душистой, усыянной цвѣтами лужайкѣ съ развѣсистымъ тѣнистымъ деревомъ. Лежать бы на травѣ, среди цвѣтовъ, прислушиваясь къ тому, что говорятъ листья, любуясь летящими надъ головой облаками! Какое счастье было бы провести такъ хотя бы одинъ часъ! Какъ природный горожанинъ, я относился равнодушно къ весенней зелени луговъ, говору листьевъ, къ полету облаковъ въ небесной вышинѣ. И только въ тюрьмѣ почувствовалъ я, сколько прелести скрыто во всемъ этомъ...

Помню, какъ-то въ весенній вечеръ наблюдали мы изъ башни грозу. День былъ необыкновенно душный, и эта духота особенно тягостна была въ башнѣ съ ея вѣчнымъ запахомъ затхлости и гнили. Мы измучились за этотъ день и съ трудомъ дождались вечерней прохлады. Стемнѣло. Въ воздухѣ было совершенно тихо. И вдругъ весело забарабанили по желѣзнымъ листамъ крыши частыя, тяжелыя капли. Молнія прорѣзала тьму за окномъ. Оглушительный ударъ грома прокатился надъ самой тюрь-

мой... Ливень становился все яростнѣй и сильнѣе. Чаше и ярче сверкали молніи, и стѣны тюрьмы гудѣли отъ могучихъ раскатовъ грома... Это была чудная, живительная весенняя гроза. Мы настежь открыли окно, не думая о томъ, что вечерняя повѣрка давно уже прошла, и что за приближеніе къ окну мы можемъ легко получить пулю отъ часового. Дождь былъ косой, и въ одно мгновеніе вода залила подоконникъ и побѣжала на полъ. Уже цѣлыя лужи воды стояли на асфальтовомъ полу, но намъ этого было мало. Мы прижимались къ прутьямъ оконной рѣшетки, подставляя голову, шею, раскрытую грудь подъ холодныя струйки дождя. Старались подальше вытянуть руки за рѣшетку, чтобы достать до струи, сбѣгавшей съ какого-то выступа крыши надъ окномъ, громко смѣялись, отталкивая другъ друга отъ узкаго окна. Какъ весело было намъ въ тотъ вечеръ! Хорошо, что часовой за раскатами грома не слышалъ нашего смѣха въ окнѣ и не замѣтилъ при вспышкахъ молніи нашихъ фигуръ, прижавшихся къ рѣшеткѣ. Иначе намъ пришлось бы дорогой цѣной расплатиться за минутное веселье. Впрочемъ, и такъ наше веселье быстро погасло. Каждый думалъ съ тоской о томъ, какъ хорошо теперь на вольномъ воздухѣ, гдѣ-нибудь въ полѣ или лѣсу. И при этой мысли неволя становилась такой мучительной, такой тяжелой, будто всѣ камни окружающихъ насъ толстыхъ стѣнъ разомъ навалились на грудь. Какъ хороша гроза, какъ хороша жизнь на волѣ! Какъ прекрасно все, чего насъ лишила тюрьма! Мы не говорили этого вслухъ, можетъ быть, мы сочли бы это малодушіемъ и сентиментальностью, но такъ были волновались всѣхъ насъ чувства. Чортъ возьми! не то нервы ослабли въ тюрьмѣ, не то на волѣ я жилъ съ закрытыми глазами, не замѣчая, какъ прекрасна жизнь. Такъ думалъ я, лежа безъ сна на своей койкѣ въ эту весеннюю ночь.

Еще сильнѣе поразили меня видъ города, когда послѣ годового заключенія мнѣ пришлось идти изъ тюрьмы въ судъ за полученіемъ копіи обвинительнаго акта. Много разъ проходилъ я по этимъ улицамъ еще вольнымъ человекомъ, и я считалъ тогда, что трудно нарочно придумать городъ болѣе сѣрый, болѣе пошлый, болѣе отвратительный. Но теперь этотъ городъ почему-то представлялся мнѣ въ совершенно иномъ видѣ. Какъ-то жадно смотрѣлъ я на дома, магазины, на попадавшихся навстрѣчу людей, на проѣзжавшіе мимо насъ вагоны трамвая и извозчичьи пролетки. И все восхищало меня. Какими свѣтлыми, какими роскошными, веселыми, шумными казались мнѣ эти улицы послѣ нашихъ тюремныхъ коридоровъ! Какой нарядной казалась уличная толпа послѣ того, какъ глазъ привыкъ къ вшивымъ арестантскимъ бушлатамъ, къ лохмотьямъ пересыльниковъ да къ выцвѣтшимъ, полинявшимъ, вѣчно пыльнымъ и засаленнымъ мундирамъ надзирателей! И лица у всѣхъ встрѣчавшихся намъ людей были здоровыя, веселыя, красивыя...

Я замѣчалъ, что такое же впечатлѣніе производилъ видъ городскихъ улицъ и на товарищей, ходившихъ изъ тюрьмы въ судъ или отправлявшихся по этапу изъ одного города въ другой, изъ одной тюрьмы въ другую. Во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ проявляется дѣйствіе общеизвѣстнаго закона контрастовъ. Днемъ мы не видимъ въ безоблачномъ небѣ ни одной звѣзды. Но стоитъ взглянуть на то же небо изъ глубокаго темнаго колодца, — и звѣзды становятся доступны нашему глазу.

Такъ и въ обыденной сѣрой жизни, оставленной нами за стѣнами тюрьмы, мы открываемъ прекрасныя, яркія звѣзды, — лишь только приходится намъ взглянуть на эту жизнь сквозь черныя квадраты желѣзной рѣшетки. И это нерѣдко зажигаетъ въ сердцѣ узника такую безумную жажду жить, такое страстное желаніе хоть разъ еще оку-

нута в вольную жизнь, что мучительность тюрьмы становится для него невыносимой.

Здѣсь получается заколдованный кругъ.

Чѣмъ хуже вь тюрьмѣ, тѣмъ прекраснѣе кажется жизнь на волѣ. Но чѣмъ сильнѣе идеализируетъ узникъ жизнь на волѣ, чѣмъ больше стремится онъ къ ней, тѣмъ невыносимѣе становится для него лишеніе свободы.

Такимъ образомъ, страстная жажда жизни, просыпающаяся вь узникѣ, становится для него источникомъ новыхъ мученій.

Но этого мало.

Жажда жизни, даже связанная съ ея идеализаціей, сама по себѣ, является здоровымъ, положительнымъ чувствомъ. Но при уродливыхъ тюремныхъ условіяхъ она не только терзаетъ узника, но нерѣдко толкаетъ его вь сторону примиренія съ дѣйствительностью, вь сторону отказа отъ прежнихъ идеаловъ и отъ собственной личности. Это нерѣдко становится источникомъ «поправѣнія» и прямого отступничества.

Узникъ, вспоминая свою прошлую жизнь, думаетъ о томъ, что все могло бы сложиться по иному. Не сдѣлай онъ рокового шага, — онъ былъ бы теперь на волѣ, дышалъ бы вольнымъ воздухомъ, жилъ бы вольной жизнью. И этотъ роковой шагъ можетъ принять вь его глазахъ видъ глубокой ошибки. Та жизнь, какъ-никакъ, была слишкомъ хороша... Не слѣдовало рисковать... Нужно было взвѣсить всѣ послѣдствія... Нужно было предвидѣть...

Конечно, не у всякаго являются эти малодушныя мысли. Не можетъ жалѣть о своемъ шагѣ человѣкъ, для котораго и утрата свободы мучительна, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вь неволѣ связаны его руки, что онъ ничѣмъ не можетъ отвѣтить торжествующимъ врагамъ.

Но слабые люди, случайные участники революціи, слу-

чайныя жертвы реакціи, жертвы судебной ошибки, преступники по несчастью, всѣ тѣ, которые составляютъ главный контингентъ населенія всѣхъ тюремъ... У этихъ людей нерѣдко приходится наблюдать глубокое сожалѣніе по поводу того шага, который привелъ ихъ вь тюрьму. Это своеобразное «раскаяніе» у уголовныхъ и политическихъ выливается вь различныя формы.

Уголовные чаще всего сожалѣютъ о той или иной технической ошибкѣ, допущенной ими при отправленіи ихъ опаснаго ремесла. Почти всегда причиной своего крушенія они считаютъ или собственную неосторожность, или какой-нибудь технической недосмотръ: забрался вь церковь, а сторожа не прирѣзаль, — понадѣялся на то, что тотъ спитъ; вздумаль кассу на мѣстѣ ломать, а ее нужно бы съ собой забрать; на товарища положился, а тотъ, какъ начали его бить вь участкѣ, все и выдалъ; марухъ¹⁾ слишкомъ довѣрился, — про всѣ дѣла знала и все полиціи доносила... Я почти не помню у уголовныхъ иного вида «раскаянія» вь совершенномъ преступленіи. И если тюрьма должна вызвать вь преступникѣ именно такое «раскаяніе», если подобное раскаяніе является признакомъ или предвозвѣстникомъ нравственнаго возрожденія человѣка, то сторонники современной пенитенціарной системы могутъ поздравить себя съ блестящимъ успѣхомъ!

У политиковъ «раскаяніе» выливается иногда вь форму сожалѣнія о томъ, что дешево продать свою свободу врагамъ. Но наиболѣе слабые, случайные политики начинаютъ сожалѣть о томъ, что вмѣшались не вь свое дѣло, приняли участіе вь борьбѣ, неудачный исходъ которой привелъ ихъ вь тюрьму.

Это есть начало тюремнаго «поправѣнія».

«Поправѣвшій» узникъ сперва только скорбитъ о сво-

¹⁾ „Маруха“ на воровскомъ жаргонѣ — любовница, жена.

емъ старомъ увлеченіи, а затѣмъ предпринимаетъ попытку исправить послѣдствія этого увлеченія. Простѣйшимъ средствомъ является подача прошенія о помилованіи. Въ прошеніи надо выразить свое полное раскаяніе и горячую готовность загладить свой грѣхъ «вѣрной службой». Хорошо также попутно облить помоями прежнихъ товарищей и свалить вину за свое паденіе на жидовъ...

Когда прошеніе написано и отправлено, можно на досугъ пересмотрѣть въ памяти всѣ событія предшествовавшія аресту и суду и въ этихъ событіяхъ не трудно найти тысячу оправданій собственнаго отступничества. Это отступничество окажется либо «военной хитростью», либо актомъ благоразумія и самосохраненія, либо маленькимъ компромиссомъ, вполне допустимымъ, т. к. всѣ кругомъ «подлецы».

Впрочемъ, не слѣдуетъ обобщать этой картины «поправнія». Очень часто «поправніе» протекаетъ и въ иныхъ формахъ. Иные «правяють», повидимому, вполне искренно, не заботясь о томъ, чтобы оправдать какъ-нибудь свое отступничество.

Легче всего «правяють» въ тюрьмѣ и чаще всего подаютъ прошенія о помилованіи крестьяне-аграрники. Это — почти сплошь случайные люди въ тюрьмѣ, сравнительно слабо связанные съ политикой; и при низкомъ уровнѣ ихъ политической сознательности имъ не трудно эволюционировать въ какую угодно сторону подъ вліяніемъ тяжелыхъ условий тюремной жизни.

Изъ «поправившихъ» аграрниковъ, которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, пожалуй, всѣхъ типичнѣе былъ нѣкій Гавриловъ, приговоренный къ 8 годамъ каторги за участіе въ разгромѣ какого-то графскаго завода.

Это былъ мужикъ лѣтъ 40, съ обыкновеннымъ крестьянскимъ лицомъ. Русые волосы, рыжеватая клинообразная борода, голубые задумчивые глаза, стертые напо-

ловину зубы, тихій голосъ, медленные движенія. Онъ не былъ похожъ ни на уголовнаго преступника, ни на революціонера, и при взглядѣ на него невольно являлась мысль о глухой русской деревнѣ, изъ которой выхватили зачѣмъ-то этого человѣка, и въ которой остались всѣ помыслы его, всѣ его заботы и привязанности.

Гавриловъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ, вѣчно одинокій, погруженный въ какія-то думы. Я зналъ про него, что въ 5-омъ году онъ организовалъ въ своей деревушкѣ «крестьянскій союзъ», социалисты-революціонеры считали его «своимъ», партійнымъ, или, во всякомъ случаѣ, сочувствующимъ партіи. Больше ничего я не зналъ о немъ. И хотя меня интересовала его вѣчная глубокая задумчивость, и мнѣ хотѣлось разгадать, чѣмъ живетъ этотъ человѣкъ, столь явно не подходящій къ тюремной обстановкѣ, но не было случая разговориться съ нимъ: къ интеллигентамъ Гавриловъ относился, какъ къ «господамъ», и всячески избѣгалъ сближенія съ ними.

Но однажды онъ самъ подошелъ ко мнѣ за тѣмъ же, за чѣмъ обращались ко мнѣ въ тюрьмѣ довольно часто, — попросилъ, чтобы я написалъ ему письмо домой въ деревню.

— Сдѣлайте такую милость, господинъ, — просилъ онъ какъ-то застѣнчиво и нерѣшительно: — напишите... Самъ-то я малограмотный, не выходитъ у меня ничего.

— Съ удовольствіемъ, товарищъ. Сейчасъ же и напишемъ, а на повѣркѣ вы сможете отдать.

Мы присѣли къ столу.

— Вамъ къ кому писать? Къ сыну или къ женѣ?

— Къ женѣ бы написать...

— Хорошо! Вы какъ ее зовете?

— Марѳой...

— Ладно! Значитъ, такъ и начнемъ: «Дорогая жена Марѳа!... А дальше что писать?»

— Извѣстно, что.

Гавриловъ вздохнулъ и задумался.

— Вы говорите, а я буду писать.

— Да что говорить? Вы, господинъ, чай, лучше моего все знаете.

— Нѣтъ, какъ же я буду самъ писать? Я напишу все, — только вы говорите, о чемъ писать.

Какъ это всегда бываетъ съ малограмотными крестьянами, Гавриловъ никакъ не могъ понять, почему это я, человекъ «ученый», заставляю его указывать себѣ, какъ и что писать. И онъ началъ говорить, не столько диктуя мнѣ письмо, сколько попросту изливая душу, какъ бы выкладывая вслухъ свои мысли.

— Описать бы все полностью, какъ здѣсь живетъ-то. На прошлой недѣлѣ письмо я получилъ изъ деревни, отъ брата ейнаго. Пишетъ, безъ хлѣба сидятъ, лошадь продали. И, какъ мнѣ въ укоръ, пишетъ, что черезъ меня все врозь пошло. Тебѣ, дескать, хорошо на казенныхъ хлѣбахъ, на всемъ готовомъ. Вотъ бы и написать имъ все сполна, какъ мы здѣсь корки сухія гложемъ, да кровью своей вшей кормимъ. Безъ табаку, безъ всего... Солнышка за день-деньской не увидишь... Все сердце изныло... Помереть лучше, чѣмъ муку такую терпѣть. Они тамъ думаютъ, — у меня объ нихъ и думушки нѣтъ. А я-то и день, и ночь только о домѣ думаю. Что тамъ, да какъ? Да кто за хозяйствомъ присмотритъ, да кто работу справить? Жена-то у меня хворая, а у брата — своя семья, своя обуза... Только и есть думы, что о хозяйствѣ. Хлѣбъ-моль снимать самое время... Какъ бы тамъ дня не упустили... И ни къ чему это, а все объ одномъ да объ одномъ душой болѣешь... Истомился совсѣмъ. Кабы я одинокій былъ, и тюрьма бы мнѣ тюрьмой не была. Пусть руки, ноги въ желѣза куютъ, пусть на части рвутъ, — ничего! А какъ домъ-то оставить пришлось безъ хозяина,

да жену, да дѣтей, — вотъ тутъ-то и тюрьма... И то, братъ ейный правильно тогда говорилъ, что не слѣдъ мнѣ съ семьею въ такія дѣла мѣшаться. Безъ меня будто бы дѣло не сдѣлалось бы, безъ меня будто бы дураковъ мало! Эхъ! поздно за умъ берешься: ничего уже не подѣлаешь.

Мужикъ говорилъ монотоннымъ, тоскливымъ голосомъ, медленно и тягуче изливая свою душу въ жалобахъ. Я быстро писалъ подъ его слова.

— Напишите, господинъ, чтобъ и брату она передала: Егоръ, молъ, винится, что и впрямь дуракомъ въ ту пору былъ, что тебя не послушалъ. А еще, пусть не больно-то убивается, что хозяйство неладно идетъ. Богъ дастъ, скоро выйду я на волю, тогда поправимся какъ-нибудь...

Гавриловъ опустил голову и замолчалъ въ глубокомъ раздумьи.

— Какъ это, скоро выйдете на волю? — переспросилъ я. — Вѣдь срокъ у васъ еще не маленькій?

Мужикъ замаялся немного, а потомъ сказалъ тихо и просительно:

— А я васъ же, господинъ, просить буду прощеньице мнѣ написать...

— Какое прощенье?

— Да о скидкѣ со срока или чтобы совсѣмъ помиловали. Семья вѣдь черезъ меня пропадаетъ...

— То-есть, прощенье на Высочайшее имя?

Опять замаялся Гавриловъ, но затѣмъ сказалъ:

— Вотъ это самое, это самое. Вы же, господинъ, такое прощеньице для ротной камеры писали недавно... Я слышалъ.

Ко мнѣ нерѣдко обращались въ тюрьмѣ съ просьбами составить прошеніе о помилованіи. Подобныя просьбы уголовныхъ я удовлетворялъ всегда безъ колебанія, политикамъ же отказывалъ. Но относительно аграрниковъ, солдатъ и матросовъ иногда затруднялся рѣшить вопросъ.